

КУДА ТЕЧЁТ МОРЕ

СТРАТЕГИЯ ВЫХОДА

Когда-то Степан многого ожидал от своих сыновей: в детстве оба подавали большие надежды. Первый родился, ещё когда Степан был простым московским инженером и получал 120 рублей в месяц, второй — когда его отец основал фирму по разработке программного обеспечения и сколотил состояние. Видит бог, Степан всегда делал всё для семьи, но добрые дела не проходят безнаказанно, и вот пришло время расплаты. Нет, вы только посмотрите, что они с ним сделали: он же ходячая развалина, и волосы в шестьдесят лет совершенно седые!

Ворочаясь на кровати в спальне — одной из двенадцати спален в его доме в Кэтскилле, — Степан никак не может уснуть. Просыпается в предрассветной тьме, выбирается из кровати и, нашарив тапочки, шлёпает через гостиную в музыкальную комнату, оборудованную усилителями, по качеству не хуже тех, что используют в профессиональных студиях звукозаписи. Включает запись «Кронос-квартета». Музыкальная система так хороша, что Степан слышит малейшее касание смычка о струны и чувствует, как каждое вибрато отдаётся у него где-то в основании шеи. Сложные ритмы и переливающиеся мотивы джаза когда-то заставляли его засыпать глубоким сном за считанные минуты, а теперь он только сидит в холодном кожаном кресле и дрожит.

В кошмаре, от которого он проснулся, старший сын Гоша просил милостыню на улице. Степан протянул ему деньги, но от отца сын отвернулся и милостыню не принял. Гошино лицо было грустным, и как Степан ни пытался его развеселить, какие бы истории ни рассказывал, сын смотрел на него тускло и безразлично, словно столетний старик.

В десять утра Степану надо быть в Нью-Йорке, чтобы завершить сделку по продаже своего компьютерного бизнеса. Всё уже на мази, остались чистые формальности. Долголетие бизнеса зависит от притока свежей крови, от новых идей, а Степан слишком устал, что и немудрено: он немало успел за свою жизнь. Передача прав собственности изрядно увеличит его благосостояние, но зачем ему деньги, если старший сын от них отказывается, а младшему в денежных делах совершенно нельзя доверять? И что будет делать он сам?

Нет, снова уснуть не удастся. В животе какая-то тяжесть. Степан выключает музыку и спускается вниз на кухню, чтобы налить себе молока. Высокий холестерин вызывает высокое кровяное давление — а там недалеко и до очередного путешествия в больницу с сердечным приступом. Только

всему на свете, даже ограничениям в питании, должна быть мера. Он теперь один в огромном доме, и молоко — единственный надёжный способ успокоить нервы.

Так, поставить стакан на одну минуту в микроволновку, потом добавить две чайные ложки мёда, яйцо и кусок маргарина. Настоящий московский гоголь-моголь делают с маслом, но в этом пункте Степан идёт на компромисс. Добавить ещё немного виски: врачи не всё на свете знают. На днях он получил документы о разводе с третьей, американской, женой, и там ясно сказано, что квартира на Манхэттене отныне принадлежит ей. Степану бы радоваться, что летний дом, который он сам спроектировал и оборудовал, остался за ним, но сейчас он с удовольствием променял бы и свою музыкальную комнату, и огромную калифорнийскую кровать на возможность поболтать со знакомым швейцаром. В городе ему никогда не приходилось чувствовать себя таким одиноким.

Причиной дурного сна, должно быть, стал разговор с Гошей накануне вечером. Старший сын не желает приезжать в Кэтскилл, так хотя бы регулярно звонит отцу по телефону. А вот Максимилиана, который младше Гоши на шесть лет, можно отследить разве что по транзакциям, которые он совершает с банковского счёта отца. Иногда Гоше удаётся что-то узнать от общих друзей.

Гоша звонил, чтобы рассказать последние новости о брате.

— Говорят, Макс в Москве, — объявил он. — Собирается открыть в отечестве сеть бирманских ресторанов.

Благодаря веб-камере, хоть и паршивой, которой пользуется Гоша, Степану виден обтрёпанный воротник рубашки и объёмистый, бесформенный свитер, в который одет сын. Гоша — Георгий Степанович, или Джордж, как он хочет, чтобы родной отец его называл, имеет целые три учёные степени, включая докторскую по философии в Колумбийском университете, а получает зарплату чуть выше прожиточного минимума, работая в каком-то посредственном учебном заведении на Манхэттене.

— А что, у Макса может что-то получиться из этой безумной идеи, — говорит Гоша. — Хотя я слабо представляю, как именно. Русские терпеть не могут острой пищи. Не хочу тебя пугать, папа, но похоже, что он снова балуется кокаином.

— Джордж, скажи, пожалуйста, велики ли шансы стать полноценным профессором, если ты одеваешься, как

вокзальный бомж? — чуть не выкрикивает Степан, глядя на монитор компьютера.

Гоша в ответ и бровью не ведёт, молчит. У него есть противная привычка: звонить отцу и заставлять того вести разговор. Если бы Степан ничего не говорил, молчание длилось бы часами.

— Если ты любишь свитера, я готов купить тебе парочку новых, — продолжает Степан. — У тебя представление о моде, как у алкаша брежневских времён. Ты ведь молодой человек и в средствах не ограничен. Хватит валять дурака!

Гоша снимает очки и рукавом протирает толстые стёкла. Он смотрит на Степана с монитора, но это не значит, что обратная связь работает. Вполне возможно, что за чёрным глазком веб-камеры Гоша ничего не видит, не видит боль, которую причиняет отцу.

— Брат твой сбился с пути, — говорит Степан компьютеру, — как ему помочь, я не знаю. В Москве никто ничего не производит, все только потребляют. Руки у них атрофировались, а парни с мозгами давным-давно умотали из страны. Всё, что умеет новое поколение, — это продавать и покупать. Бирманские рестораны? Почему бы и нет? Эти люди станут есть горячие угли, если это покажется им престижным.

Лицо Гоши на экране компьютера выглядит расплывчатым и грустным. Он снова надевает очки.

— Папа, а что ты собираешься делать после того, как продашь фирму?

— Разве я тебе не рассказывал? Русские предложили мне полетать на «Союзе». Билет со скидкой, всего двадцать миллионов долларов, я смогу провести два дня на МКС.

Гоша смеётся.

Степану живо вспоминается этот сухой, сардонический смех сына — кульминация вчерашнего разговора. Непонятно, почему в ночном кошмаре сын явился таким скучным, лишённым чувства юмора человеком.

— Нет, ты только представь, как меня, в возрасте шестидесяти лет, с больной печенью и всем прочим, запускают к звёздам, — говорил Степан в телефон. — Неужели у них совсем не осталось денег на космическую программу? Ну ничего, в мире хватает богатых придурков, которые не реализовали свои детские фантазии.

Силы уже не те, нет драйва. В старые добрые времена от шуток Степана сгибался пополам даже полковник КГБ. Ум

работал тогда куда быстрее, а печень была отменного красного цвета. Гоша молчит.

— Пообедаем завтра вместе, папа? — наконец спрашивает он. — В честь твоей сделки.

— Отлично. Я угощаю. И не вздумай со мной спорить!

Приближается утро, а вместе с ним и назначенная на десять встреча на Манхэттене, однако гоголь-моголь никак не оказывает своего обычного успокаивающего воздействия. Немного молока пролилось на пол. Степан отправляется за шваброй. Когда он нагибается, кровь приливает к голове, в животе раздаётся урчание.

Во сне Гоша просил милостыню на грязной улице, засаженной акациями. Это была улица в Калинин, где Степан вырос. В семнадцать лет он отправился в столицу и с тех пор в родные края заезжал крайне редко. Всё ещё говорит «Калинин», хотя городу во времена перестройки одному из первых вернули старое название — Тверь. Гоша родился в Москве, а в Калинин никогда не бывал; непонятно, с чего бы это ему просить милостыню на улице из отцовского детства.

Степан вытирает лужицу молока и тут же замечает на плитках пола пятна и царапины. Бригада уборщиков приходит в дом раз в неделю, они обязательно пылесосят и моют полы. Их наняла американская жена Степана, но сам он их работой не доволен. Если внимательней присмотреться к тёмным углам и заглянуть под мебель, всегда обнаружишь пыль. Уже не в первый раз Степан сам набирает в ведро воды, встаёт на колени и, как учила мама, отдраивает пол до настоящей чистоты. Ни на кого нельзя положиться, даже в самых простых домашних делах, никто не выполняет свою работу безупречно. А ведь чистота — залог успеха, любила повторять мама. В Калинин делали уборку чуть ли не ежедневно. Мама преподавала в школе математику, но грязной работы по дому не чуралась. Мела полы каждый вечер, мыла их два раза в неделю. Любила приносить в дом незабудки и одуванчики, чтобы пахло свежестью.

Его родителям при жизни ни разу — ни разу! — не пришлось стыдиться сына. Жизнь в столичном общегитии, в одной комнате, где Степану и его первой жене приходилось ходить на цыпочках, чтобы не разбудить Гошку, и где всегда стоял запах кислого хлеба, — была трудной, но за трудности судьба расплатилась сторицей. Отец Степана получал журнал «Популярная механика», и когда там напечатали статью о новых «персональных» компьютерах, появившихся

в организованном Степаном кружке при заводе, старик прислал телеграмму: «Дело хорошее. Успеха!». Теперь оба сына Степана старше, чем он был тогда, но ни один из них и думать не думает ни о женитьбе, ни о детях.

На кухонном полу не осталось ни пятнышка, и Степан перебирается с ведром в огромную и опустевшую гостиную. После того как американская жена съехала, Степан избавился от ненужной мебели, ковров, и ненавистной ему хрустальной люстры. Теперь гостиная напоминает галерею современного искусства. Картины на стенах смотрят друг на друга издали, разделённые пространством тёмного паркета. Потолок очень высокий, он пропускает массу света через застеклённую наклонную крышу, но сейчас небо ещё тёмное и в комнате, освещённой только подсветкой картин, блуждают тени. Трудно разглядеть, есть ли на полу пятна, но Степан всё-таки решает его помыть.

Какое счастье, что родители не могут следить за ним оттуда, где они теперь находятся. Нет, конечно, Степан неплохо устроился в жизни, но зачем всё это, если дети ничего из его достижений не ценят? Максимилиан ни разу не помог ему в делах, только тратит его деньги. Гоша получил первую учёную степень в области компьютерных технологий и сделал свою первую видеоигру в те времена, когда отец ещё занимался бухгалтерскими программами для русского рынка. Приводил друзей из колледжа поиграть и поделиться идеями. Как было бы здорово, если бы Гоша позвонил прямо сейчас и сказал: «Папа, хочу тебе помочь. Давай поработаем вместе, хочу научиться управлять успешной международной компанией. Я с этим справлюсь, папа, если поможешь».

Мыть полы куда полезнее, чем часами семенить по бегущей дорожке. Уборщики используют специальное средство, чтобы сохранить полировку, но эффект от этого нулевой. Степан считает: лучшее средство — хорошая швабра и ведро воды. Этому его обучили родители, и этому он пытался научить своих детей.

— Хочешь жить праведно, раздай своё достояние бедным, — говорила их мать, первая жена Степана.

Когда он заключил первый контракт с американцами и начали поступать средства, она вдруг вспылала любовью к церкви и принялась твердить Степану, что деньги губят душу. Потом подружилась с батюшкой, который научил её, что единственный путь к спасению — это постоянные и немалые пожертвования в пользу церкви. Степан тогда смеялся ей в лицо. Гоша, маленький гений, который выучил

таблицу умножения в три года и написал первую программу в шесть лет, нуждался в настоящем, мирового уровня образовании, не говоря уж о втором ребёнке, который должен был вот-вот родиться. Если она хочет отмолить его грехи, милости просим, но все заработанные деньги были нужны ему для детей. Степан так и не смог уверовать, хотя нередко говорил об этом со своим другом, бывшим полковником КГБ, который на пенсии становился всё религиознее. Нет, думал Степан, если бы Бог существовал, люди не чувствовали бы себя такими одинокими.

Он помыл уже четверть гостинной, как вдруг зазвонил телефон. Не мобильный, стационарный, — он почти никогда не звонит, и его звук жутковато отдаётся ночным эхом по всему дому. Степан перешагивает через ведро с водой и берёт в коридоре трубку. Чтобы было удобнее, садится на пол. От мебели в коридоре он тоже избавился. Развод — отличный повод сменить обстановку.

— Ты знаешь, который сейчас час? — спрашивает он у младшего сына.

И Гоша, и Макс разговаривают с ним по-английски, как чужие.

— Джордж сказал мне, что ты решил всё продать, — говорит Макс. В трубке что-то трещит и шуршит, и от этого сильнее чувствуется расстояние между говорящими. — Папа, прошу тебя, не надо этого делать. Чем ты будешь заниматься, если отойдёшь от дел?

— Всё решено, — твёрдо отвечает Степан. Его подташнивает, и ладонь руки, держащей трубку, становится липкой. — И не рассчитывай на эти деньги! Я всё потрачу на прогулку в космос!

— Послушай, ну не надо. Это всё оттого, что тебя бросила жена. Но разве это повод поднимать белый флаг, а?

Степан слышит, как на том конце провода воеет сирена скорой помощи, до него доносится уличный шум большого города. Ему бы тоже жить сейчас в большом городе. Он там всегда хорошо спал, и шум, производимый другими людьми, ему не мешал. Нигде Степану так хорошо не спалось, как в московском общежитии, где он жил с молодой женой и новорождённым Гошкой.

— Послушай, встретишься в Москве с матерью, передай от меня привет, — говорит он Макс. — Если ей нужны деньги на церковь, пусть мне позвонит.

— Джордж сильно озабочен твоим здоровьем, папа, — повторяет Макс. — Ты соблюдаешь диету, принимаешь

витамины? Помни, пожалуйста, что доктора запретили тебе мясные и молочные продукты.

Степан вздыхает. Разговаривать с сыновьями — всё равно, что кричать в лесу: только эхо и отвечает. Они не слышат, что он хочет сказать.

— Послушай меня, дурак стоеросовый, что ты забыл в Москве? — спрашивает Степан. — Возвращайся домой. Можешь открыть тут сколько хочешь ресторанов! И когда ты, наконец, женишься?

— Папа, я сейчас не могу разговаривать. Опаздываю на встречу... — Макс прерывается, чтобы откашляться.

Степан слышит автомобильный гудок, потом ещё один. Кажется, разговор окончен, и Макс просто забыл положить трубку. Ан нет:

— Папа! — голос Макса звучит тише, чем обычно. Похоже, ему надо сказать что-то важное.

Сердце Степана ёкает, а потом начинает биться быстрее.

— Что, Макс? Что ты хочешь сказать?

— Папа, я ещё побуду немного в Москве. Здесь действительно много чего происходит. — И продолжает, чуть-чуть запнувшись: — Мне надо бы ещё денег... Побольше. Ну в общем... гораздо больше.

— Понятно. Стало быть, всё по-прежнему.

Степан вешает трубку и заставляет себя подняться с пола. Чувствует, как дурнота подступает к горлу, и чуть ли не бегом направляется в ванную. Он едва успевает: желудок сжимается, и его рвёт гоголь-моголем. Немного погодя Степан, держась за стенку ванной, поднимается и выглядывает в окошко над унитазом. Начинает светать, он различает силуэт дуба, растущего в десятке метров от дома. В ушах стоит тихий звон, напоминающий какофонию «Кронос-квартета». Кажется, сегодня лучше не ехать на Манхэттен подписывать бумаги. Ещё один приступ рвоты — и он избавляется от остатков вчерашнего ужина. Степан с удовлетворением отмечает, что сумел сдержаться и не испортил ничего в только что вымытых местах — ни в коридоре, ни в гостиной. Он осматривает пол в ванной и подбирает два тёмных волоска, прилипших к раковине. Нет, всё-таки ни за какие деньги не заставишь чужих людей навести в доме полный порядок.

СКАЗОЧНЫЙ УЛОВ

Как-то раз чищу я картошку на ужин, и тут звонок в дверь. Я вздрогнула: никаких гостей я не ждала, от неожиданности даже нож выронила в ведро с отходами. Засуетилась и ведро перевернула. Пока восстанавливала порядок и споласкивала руки, звонок повторился — незваный гость упорствовал.

Пошла открывать: за дверью стоит женщина средних лет, платиновая блондинка с приятными, удивительно правильными чертами лица и бледно-голубыми глазами, одетая в серый брючный костюм.

— Прощу прощения, что беспокою в субботу, — говорит. — Чтобы не задерживать вас, спрошу прямо: не можете ли вы внести пожертвование?

Я собралась было сказать: «Извините, нет», как обычно отвечаю мормонам-миссионерам, и запнулась. Не сразу, но дошло, что со мной заговорили по-русски. Ничего удивительного, находишься мы в Москве или в Самаре, но вообще-то мы в Сан-Франциско. Ясный, солнечный день. Сосед вон моет машину — помахал рукой, я помахала ему в ответ.

— Не хотите ли чаю? — спрашиваю я и чувствую, что вопрос на моём родном языке звучит неуклюже. Я уехала из России подростком и, пока не поступила в американский колледж, несколько лет жила в Хайфе. По-русски говорю раз в неделю с родителями, по телефону, со всеми остальными — на английском или иврите.

— С радостью, — отвечает женщина, — я весь день на ногах.

Вошла, разулась. Пока я распаковывала гостиничные тапочки, хранившиеся, теперь стало ясно, как раз для такого случая, стала оглядываться по сторонам.

— А у вас мило, — говорит, стоя у распахнутых дверей моей студии-спальни. На мольберте у меня стоял незаконченный пейзаж Ленинграда. Чем дольше я над ним работала, тем больше он, казалось, терял свои очертания. — Вы художница?

— Я занимаюсь исчислением страховых тарифов, — отвечаю, — а в свободное время пишу маслом.

— У вас, должно быть, талант, — говорит она. — У меня аж холодок пробежал при одном взгляде на... что бы это могло означать? Рыбак на крыше высотки?

— Это женщина, девочка. Она ловит луну в море слёз, затопивших её двор, — объясняю я. — Сюрреализм.

— Понятно, — отвечает. — Что ж, вода вышла замечательно, такая холодная на вид!

После моего объяснения интерес к картине она потеряла. Я повела её на кухню, налила в чайник воды из-под крана и поставила на плиту, накрыла стол: сыр достала, хлеб, масло из холодильника, отыскала в шкафу банку малинового варенья и полкоробки шоколадных конфет, купленных в русском магазине в Ричмонде.

Женщина взяла сырую картофелину, забытую на обеденном столе, и стала машинально её чистить.

— Да что вы, зачем! — удивилась я, отнимая у неё нож и картошку. — Я потом закончу. Хотите халвы? Кажется, у меня немного осталось после... — халва оставалась после недавней поездки в Израиль, но я вовремя спохватилась: женщина-то, наверное, явилась за пожертвованием для православной церкви, Израиль тут ни при чём.

Я с удовольствием разыгрывала русское гостеприимство, зачем же срывать представление, чего доброго втянешься в эту тяготию с разговорами о религии, национальности. Сразу вспомнились «кухонные посиделки», как у родителей с друзьями бывало, скукота!

— Расскажите о вашей церкви, — попросила я, роясь в стенном шкафу в поисках халвы среди пакетиков с орехами и сухофруктами. — Вы ведь собираете пожертвования?

— Все деньги, которые нам дают, расходятся на культурные мероприятия для нашей общины, — с достоинством объясняет она. — У нас дневной детский сад, его ведут волонтеры. Читают детям «Руслана и Людмилу», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Айболита», «Мойдодыра», спектакли ставят. Добровольцы помогают пожилым людям, продукты носят, газеты, чтобы не чувствовали себя одинокими. У нас и библиотека, и компьютерный центр есть, базы данных со списками вакансий для новых иммигрантов, пособия по английскому. Наши расходы невелики, мы любой малости будем рады. А оставшиеся деньги, если они вообще остаются, идут на общий досуг. На старый Новый год даём обед, а в июне в день рождения Пушкина устраиваем праздник с чтением стихов и представлением.

— Вот где она! — извлекаю я халву из-за банки с огурцами. Упаковка вскрыта, но халва ещё свежая, полпачки осталось. Развернула, выложила на тарелку перед гостьей. Чайник закипел; я, точь-в-точь как бабушка, свежий чай в заварной чайник засыпала, кипяток влила и в полотенце завернула, чтобы заварилось покрепче.

Наконец чай готов, и я присаживаюсь к столу:

— К какой церкви вы принадлежите? К русской православной? Как вы меня нашли?

— Возможно, я оговорила, — отвечает гостья, помешивая чай ложечкой. — У нас не церковь, а скорее общественная организация, культурный центр. Большинство наших старейших членов ещё во времена Советского Союза приехали, они неверующие.

— Так вы не связаны с православной церковью?

— Нет, и с синагогой тоже, хотя раньше, когда у нас не было помещения, некоторые наши встречи проходили в Еврейском центре.

— Где вы находитесь?

— Знаете католическую школу на Кафедральном холме? Недалеко оттуда, — женщина намазывает хлеб маслом и кладёт сверху кусок халвы. — Превосходный чай. Где вы его берёте?

— В русском магазине. А как же российское правительство? Вы связаны с консульством на Грин-стрит? Не они ли вас финансируют?

— Нет, нет! Конечно, нет, — в голосе женщины возмущение. — С ними ничего хорошего не выходит. Пару лет назад установили доску на Русском холме в память погибших русских моряков. Но это был наш проект, это мы спроектировали доску! А они сманили нашего архитектора, оплатили только доску, а нам — ни денег, ни чести! Нет, с этими разбойниками мы дела не имеем.

Я наблюдаю, как женщина поглощает бутерброд с халвой. Ест она жадно, но приятно смотреть, с каким изяществом она крошки из уголков рта подбирает. Я ещё не ужинала и, глядя, с каким наслаждением она ест, и сама ощущаю острый голод. Встала и, хотя это не очень-то вежливо, снова принялась чистить картошку.

— В этом году мы собираемся открыть балетный класс, — говорит женщина. — Одна девушка из балетной труппы Сан-Франциско, выпускница Вагановки, решила нам помочь. Готова давать бесплатные уроки детям. Нужно только найти зал с балетным станком.

— Всё это замечательно, только у меня нет детей.

— Вы молоды, наверняка будут.

Женщина берёт ещё хлеба, намазывает толстым слоем масла и на этот раз увенчивает его сыром, потом открывает баночку с вареньем и ищет, куда бы положить варенье. Я начисто забыла про розетки.

— Понимаю ваши колебания, многие не любят отдавать на благотворительность потом заработанные деньги. К сожалению, это часть нашего советского прошлого. Китайские организации в Штатах только богатеют и процветают, мексиканские общины тоже, а русские что же? Нам хочется гордиться нашей русской культурой? Тогда не стоит полагаться только на то, что дают православная церковь и российское правительство. Я вижу, вы образованная молодая женщина, любите читать, пишете картины, слушаете музыку. Мы тоже любим Репина и Чайковского, Пушкина и Довлатова, и хотим, чтобы наши дети помнили имена, которые нам дороги.

— Программа ваша мне нравится, — тяну я. — А когда следующее мероприятие? Я постараюсь прийти, тогда и пожертвование внесу.

Последняя картофелина в кастрюле. В холодильнике есть кусок мяса — я собиралась его поджарить, но не хочется это делать при чужом человеке.

— Конечно, у нас запланированы концерты. Вечера бардовской песни, классического романса. Приходите, будем рады вас видеть.

— Превосходно. А где-то это вывешено, есть сайт, на котором можно найти информацию?

— А как же. Есть электронная рассылка. Не хочется слишком её расширять — наши помещения для встреч не так велики. Если вы решите присоединиться, я позабочусь, чтобы ваше имя туда внесли.

Она смолкает, делает глоток чая и бросает на меня взгляд своих ясных голубых глаз, выдерживая такую паузу, что я уже никак не могу не спросить:

— Сколько же стоит членство?

— Обычно люди вносят около двухсот долларов в год, но если вы просто хотите попасть в список рассылки, минимальный годовой взнос — восемьдесят долларов для одиноких и сто пятьдесят долларов для семей. Безусловно, есть и другие возможности поучаствовать в наших мероприятиях, но это зависит от ваших интересов. Сами понимаете, чем больше бюджет, тем обширнее программа.

— О'кей, — говорю. — Пожалуй, вы меня сагитировали.

Женщина неторопливо отставляет чашку и извлекает папку с распечатанными формами, где требуется указать имя, адрес, обозначить уровень членства, и есть графа, в которую можно вписать номер кредитной карточки. Всё всерьёз.

— Мы бы предпочли наличные или чек, — добавляет она, — за операции с кредитками берут проценты.

Чек так чек. Дам сто долларов — хорошая, круглая сумма за услуги, которыми я, скорее всего, никогда не воспользуюсь. И никто не сможет обвинить меня в скупоści.

Моя гостыя взяла чек, поблагодарила и встала из-за стола. Я проводила её до двери и там вспомнила, что до сих пор не узнала, откуда у неё мой адрес — в телефонных справочниках меня нет.

— Знаете, — спускаясь по ступенькам, отвечала она, — я уже и не помню. У вас же есть русские друзья, так? Скорее всего, ваше имя попало к нам через друзей ваших друзей.

Мысль о том, что у меня в Сан-Франциско есть друзья, чьи друзья связаны с русской общиной и считают, что меня может заинтересовать знакомство с их центром, и смутила, и обрадовала меня. Детство моё прошло в России, и, хотя с тех пор я не искала связей с родиной, меня тронуло, что кто-то считает меня русской и думает, что я принадлежу к русскому землячеству.

Приготовила ужин, потом в порыве ностальгии вышла в интернет и отыскала советский телефильм, который любила в детстве — историю о девочке из будущего XXI века, случайно попавшей в Советский Союз 1980-х. Фильм наивный и привычно неправдивый, с пионерской чёрно-белой моралью и старомодными спецэффектами. Но смотрела — не могла оторваться. Оказывается, я многое забыла. Так и смотрела допоздна — серию за серией.

А месяц спустя у меня закончился чай, и я решила совершить набег в Ричмонд для пополнения припасов. Тут я вспомнила о моей визитёрше и сообразила, что мне не пришло никакого подтверждения моего членства: ни электронного письма, ни сообщения на автоответчик, ни письма по почте. Чек ушёл, деньги с банковского счёта сняты — и с концами. Оставляла ли посетительница расписку или визитную карточку? Порылась в своих бумагах, ничего не нашла. Попробовала найти в сети Русский центр Сан-Франциско — выскочило несколько сайтов, но ни один не совпадал с той организацией, которую описывала моя гостыя.

Следовало бы немедленно сообщить о случившемся в полицию или хотя бы в банк, попросить их отследить чек. Очень не хотелось верить, что меня так запросто одурачили. Я решила подождать немного: вдруг произошло какое-то недоразумение, и мне вот-вот придёт приглашение на вечер

бардовской песни или просмотр старого фильма. Миновал день рождения Пушкина, потом приблизился Новый год, но ни от женщины, ни от организации, которую она, якобы, представляла, никаких вестей так и не поступало. В конце концов пришлось признать, что меня провели. Уже ничего и поделывать-то было нельзя, кроме как посмеяться. Я стала рассказывать про этот случай друзьям, подробно расписывая собственное гостеприимство и то, как красноречиво моя гостыя дурила меня; история всем нравилась — было в ней что-то русское.

Рассказывала я шутки ради, но постепенно смех друзей стал меня огорчать. Не думаю я, что все русские — мошенники, и вовсе я не хотела, чтобы моя история закрепляла такой стереотип. Советский Союз — страна моего детства, а оно ничем не было омрачено, пока родители не решились эмигрировать. Я знаю, я тысячу раз слышала рассказы, как тяжело моим родителям приходилось, сколько часов они простаивали в очередях, как получали работу по распределению, а не по выбору, как от безысходности спивались их друзья. Но это не мои истории. Я была слишком мала, чтобы испытать что-то подобное. Своим детям Союз оставил томительную мечту о том, что все люди могут быть равными, надежду на «мир во всём мире», и веру, что «прекрасное далёко» уже не за горами. Мечта эта — такая же часть советского наследия, как общий для всех русский язык или традиции хлебосољства.

Озарение пришло ко мне во время корпоративной вечеринки в честь одного из наших практикантов, который сдал последний экзамен и был принят в штат фирмы. Как обычно, мы собрались на террасе, на крыше здания страховой компании. Вечер выдался свежий, мы спасались от холода вином. Разговор не клеился, и когда во время очередной беспомощной паузы я рассказала коллегам историю про Русский центр, они засыпали меня типичными вопросами страховщиков: «Как думаешь, часто такое жульничество удаётся? Сколько народу она может одурачить подобным образом за день? А за неделю?»

Хотелось ответить, что номер был устроен специально для меня, но, скорее всего, это было не так. С некоторыми вариациями он мог сработать с любым из русскоговорящих жителей Сан-Франциско. В каком-то смысле мошенница применила тот же трюк, который применяли к нескольким поколениям советских граждан: дай людям веру в лучшее

будущее, и они раскроют свои сердца и карманы шире. Что ж, я оказалась ничем не умней других!

Коллеги не могли взять в толк, почему я вдруг перестала отвечать на вопросы и замолчала. Они подождали немного, потом переключились на другую тему. Вечеринка продолжалась, а я отошла к краю террасы, потягивая вино и разглядывая низкие звёзды, сверкающие над дальним краем залива Сан-Франциско. Такие же звёзды были видны с балкона нашей квартиры в Ленинграде — я почувствовала чуть ли не благодарность к женщине за ловкость, с которой она меня облапошила, вернее за переживание, связавшее меня с давним прошлым. Когда-то в детстве я была пылкой и упрямой фантазёркой. Мечтательной рыбачке с картины не доставало такой вот горячности. Ей открывалось ночное небо, и все миры лежали перед ней как на ладони, но, вместо того чтобы стремиться к ним, она, словно замороженный светом лунатик, сидела на крыше с закрытыми глазами.

Я допила вино и быстро покинула вечеринку, стараясь донести своё открытие до мастерской. Но в состоянии опьянения не хотелось браться за краски, а когда подоспели выходные, это ощущение потеряло свою ошеломительность, а потом память и вовсе его поглотила.

...Картину я так и не закончила.

КУДА ТЕЧЁТ МОРЕ^[1]

Зайдя по щиколотку в озеро на Карельском перешейке, девочка спрашивает у мамы:

— Мама, а куда течёт вода?

— Вода течёт в речку, доченька, — отвечает мама.

Мама стоит рядом в воде, неглубоко, тоже по щиколотку. Её руки висят вдоль тела, а глаза смотрят куда-то вдаль, на лес на другом берегу озера, на голубое небо за лесом.

— А куда течёт река? — интересуется девочка.

— А река течёт в море, — говорит мама и пытается остановить поток вопросов: — Посмотри, какая тёплая вода! Пойди, сними платье, искупайся, а? Видишь, другие дети уже купаются.

Небольшое лесное озеро практически безлюдно, но на другом конце пляжа, за песчаным выступом, где растёт одинокая сосна, действительно плещутся в воде дети. Девочка неуверенно шевелит пальцами ног и подходит ближе к маме, берёт её за руку. Мама одета не для купания: на ней летнее платье в красную клетку, подол подоткнут.

— А куда течёт море? — после минутного молчания спрашивает девочка.

— А море течёт в океан.

— А океан?

— А океан течёт вокруг земли.

Девочка оборачивается к берегу и останавливает свой взгляд на одинокой сосне, возвышающейся высоко над пляжем, вода подмыла берег, и корни дерева висят высоко над водой. Подул ветер, и сосна важно приветствует девочку.

— А если она вся утечёт?

— Кто — она? — не сразу догадывается мама.

— Вода.

— Ну не волнуйся, вся она не утечёт, — с преувеличенной уверенностью отвечает мама и делает очередную попытку заинтересовать девочку вещами более практическими:

— Ты разве не хочешь искупаться?

Однако девочка не сдаётся:

— Ну а если вдруг утечёт?

— Ну что ж, — говорит мама, немного подумав, — тогда мы ляжем на спину и поплывём вместе с ней.

— А я не умею плавать, — настойчиво напоминает девочка.

Не выпуская маминой руки, она осторожно наклоняется и свободной ладонью осторожно дотрагивается до гладкой

поверхности озера.

— Значит, должна научиться, — говорит мама и подталкивает дочку к берегу. — Иди, разденься.

Девочка проходит пару шагов к берегу и возвращается. Вода кажется ей слишком холодной и грязной, в ней плавают какие-то отвратительные склизкие водоросли, от которых противно пахнет. Мама уже успела унестиcь мыслями куда-то далеко-далеко и поэтому никак не реагирует, когда девочка снова берёт её за руку. Девочка пытается заглянуть маме в глаза, проследить за направлением взгляда, последовать за ним, но мамины глаза полузакрыты, а взгляд рассеян. К маминим мыслям дочке нет доступа. Девочка берёт мамину руку, поднимает её, кладёт себе на голову, на плечо. Девочка надеется, что мама начнёт перебирать пальцами, погладит её по голове, и одновременно опасается, что мама вырвет руку, оттолкнёт, сорвётся на крик, уйдёт, забудет.

А мама действительно готова закричать: бесконечные вопросы дочки, её постоянная потребность в ласке сводят её с ума, ей кажется, что девочка требует от неё каких-то непонятных чувств, ответов, которых у неё нет и быть не может. Ей хочется закурить, расслабиться, но сигареты остались на берегу, а девочка не отпускает руки, не даёт выйти на берег, не понимает, что она не может ходить за ней весь день как привязанная. Ей слышится требовательность в голосе девочки и хочется крикнуть: отвяжись, не приставай, оставь в покое... И где-то из глубины сознания выплывает страшное: мы одни, совсем одни, вокруг ни души, и было бы так просто... И как будто ничего не было. Семь лет — и всё начать сначала. Ничего не было, только кошмар, мне приснился кошмар... я проснусь, и всё можно будет начать сначала. Уехать, забыть, как будто ничего не было.

Ночью девочке долго не удаётся заснуть. Поездка на озеро и купание давно забыты: на обратном пути мама читала книгу, а вечером папа пришёл домой с гостями. Было шумно. На кухне маме помогали готовить, в большой комнате папа развлекал гостей. Потом девочку положили спать на родительской кровати в маленькой комнате, но заснуть было невозможно: слишком много всего, голоса за стенкой, события долгого августовского дня. В голове бродили мысли о воде, о поезде, о школе, обо всём на свете. А гостям тоже не хотелось расходиться, и, выйдя посреди ночи в туалет, девочка обнаружила, что один из гостей заснул за столом на кухне. В половине второго ночи дом затих. Мама вернулась в комнату и, не раздеваясь, даже не приподняв одеяло,

повалилась на кровать рядом с дочкой. Спала она тяжело, стонала и так сильно металась, что в конце концов свалилась с кровати. Девочка встала и попыталась помочь ей подняться, но мама плакала, сопротивлялась, и девочке было с ней не справиться. Она накрыла маму одеялом и села рядом, пытаясь её как-то успокоить. Гладила по руке, по волосам. Несмотря на белые ночи, в большой комнате было темно и пахло сигаретами и спиртным. Папин храп раздавался откуда-то с пола, а на диване спал кто-то ещё. Девочка прислушивалась к скрипу половиц в коридоре, и ей показалось, что там ходят какие-то чужие, странные люди. В сумраке маленькой комнаты девочка не могла различить мамины очертания под одеялом. Всякий раз, когда девочка осторожно дотрагивалась до мамы, желая убедиться в её существовании, мама отзывалась длинным, жутким плачем. Через некоторое время девочка закуталась краем одеяла и заснула, уткнувшись в мамин бок.

Под утро маму стало тошнить. Она проснулась, но не успела подняться, и её вырвало прямо на колени, на одеяло, на ночную рубашку дочки. Девочка проснулась, и, не понимая, что произошло, испуганно села. Через несколько мгновений приступ повторился, маму вырвало опять, на этот раз, на пол. Девочке хотелось заплакать, она сдержалась от беспокойства, от страха за маму. Когда приступ рвоты прошёл, мама велела девочке переодеться и принести из ванной ведро воды с тряпкой. Это оказалось не так-то просто: чтобы добраться до ванной, девочке надо было осторожно обойти всех чудищ, затаившихся в коридоре. Несколько раз ей казалось, что она наступает на руки и ноги спящих призраков. И только нащупав и с трудом дотянувшись наконец до выключателя в ванной, она увидела, что коридор пуст. Но путь обратно в комнату был ещё тяжелее: свет пришлось выключить, и призраки немедленно ожили. Девочка несла ведро медленно-медленно, но чем сильнее она старалась не шуметь, тем громче оно дребезжало.

Мама содрала с одеяла запачканный пододеяльник, намочила один из углов, протёрла им пол, и бросила пододеяльник в угол комнаты рядом с ведром. Потом легла на кровать, натянула на себя голое одеяло и закурила. Девочка легла рядом с ней, подоткнув одеяло, и уставилась в потолок, на котором в свете просыпающегося дня уже замелькали серые тени веток высокого клёна за окном.

— Мама, что со мной будет, когда я умру? — спросила девочка тихо-тихо, когда уже не было сил молчать.

— Ничего. Исчезнешь, — помолчав, удивительно спокойно, совсем как тогда, на пляже, ответила мама.

— Исчезну?

— Да. Ты исчезнешь, растворишься. Твоя душа перестанет существовать и сольётся со всем живым миром вокруг, — сказала мама почти ласково.

— Перестану существовать? — переспросила девочка, прислушиваясь к биению своего сердца.

— Да. Освободишься от всех забот и тревог.

— Но мне страшно, мама! Я не хочу умирать.

— Бояться нечего. Ты умрёшь очень нескоро и к тому времени уже так устанешь от жизни, что смерть покажется тебе совсем не страшной.

— Мама, но я боюсь, боюсь!

— Не бойся. Всё будет хорошо.

Мама переложила сигарету в левую руку и протянула девочке правую. Ухватившись за мамину руку и приложив её к своей щеке, девочка быстро заснула. Мама, докурив свою сигарету, повернулась на правый бок, лицом к девочке, и вскоре тоже задремала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru